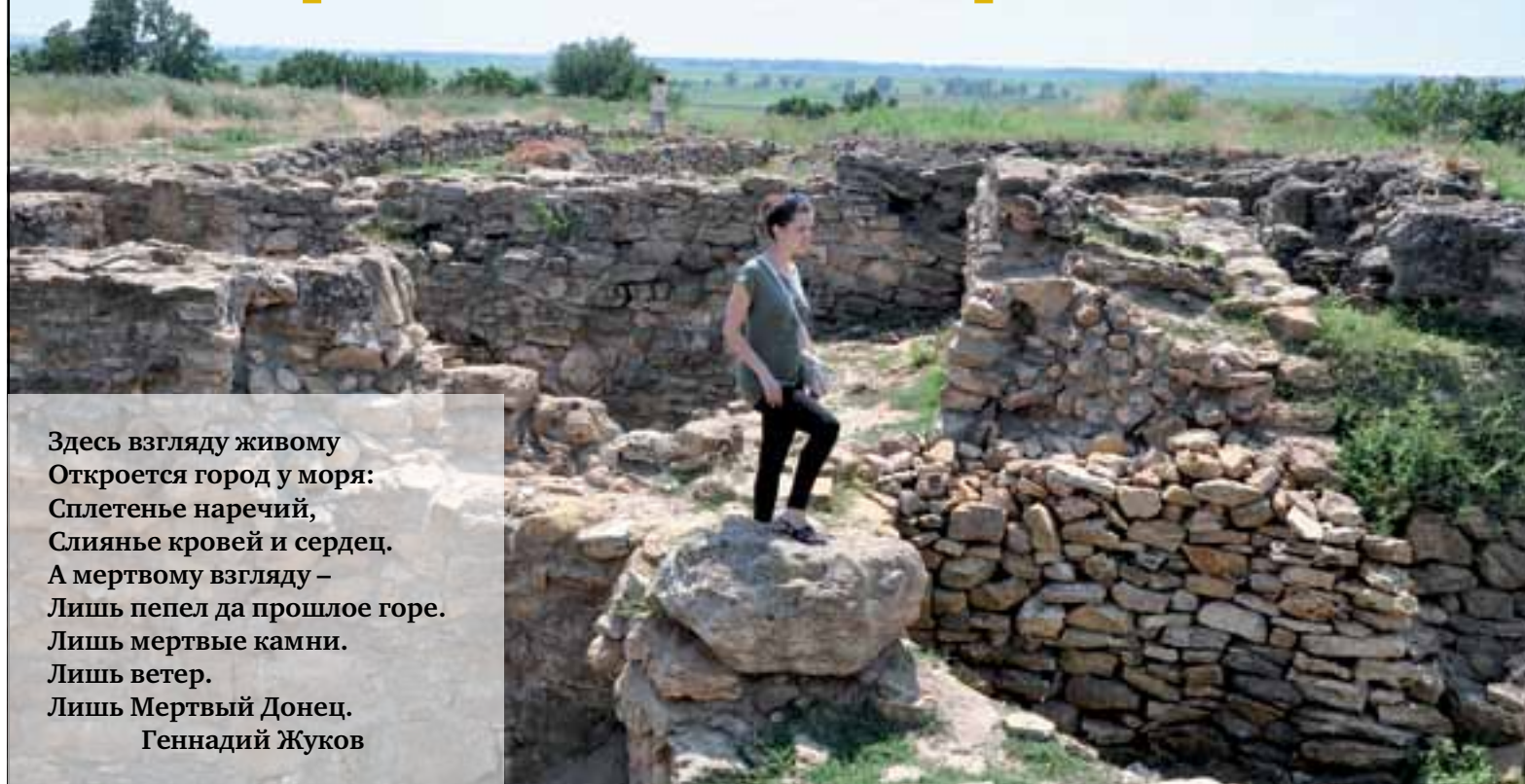

Музейная жизнь древнего города

Здесь взгляду живому
Откроется город у моря:
Сплетенье наречий,
Слиянье кровей и сердец.
А мертвому взгляду –
Лишь пепел да прошлое горе.
Лишь мертвые камни.
Лишь ветер.
Лишь Мертвый Донец.
Геннадий Жуков

Ростовчанам и жителям Ростовской области Танаис известен давно. Много написано об истории греческого города, располагавшегося на краю Ойкумены (обитаемого цивилизацией пространства). Похоже, что город был самым восточным форпостом средиземноморской культуры. Действительно, две тысячи лет назад у крутой береговой террасы нынешнего Мертвого Донца заканчивался залив Меотийского болота (Азовского моря). Дальше – река Танаис (Дон, а по другим источникам – Северский Донец), по которой только самые отчаянные греческие путешественники пытались подняться до пролива, соединявшего Азово-Черноморский бассейн с Каспийским (современная Маньчжарская впадина). Именно здесь соприкасались две великие цивилизации: европейская оседлая, с каменными домами, городами и многолетними поселениями, радиально расположенными полями, садами, сенокосами и пастбищами, и азиатская, кочевая, движущаяся по веками сложившейся орбите, с многочисленными стадами и складными шатрами – юртами.

По реке Танаис проводилась граница между Европой и Азией. Сейчас многие исследователи считают такую границу условной – не географической, а этнокультурной. Не случайно эта граница с веками отодвигается все дальше на восток, отступая перед «расползающейся» европейской цивилизацией. Не случайно и все городские поселения строились как крепости.

Древнейшая крепость в Восточной Европе, ныне оказавшаяся в черте города Ростова-на-Дону – Ливинцовская, судя по данным археологов, подвергалась жесточайшему штурму. В руинах стен этой крепости были найдены тысячи кремневых наконечников стрел завоевателей. Да и сам Танаис дважды был разрушен.

Однако контакты двух великих цивилизаций древности – это не

только войны. Важную роль играл товарообмен. К Танаису вела одна из ветвей Великого Шелкового пути. А в самом городе располагалось большое торжище, где продукция кочевого животноводства и охоты обменивалась на товары греческого производства. Сюда же купцы привозили изделия мастеров востока – Согдии, Китая, Индии.

В Танаисе жили бок о бок скифы, сарматы, савроматы и греки, случа-

лись смешанные браки, происходило взаимопроникновение культур. О многом рассказывают найденные при раскопках древние каменные стелы. Имена танаитов, время жизни, должности, этническая принадлежность сохранены строками, высеченными на мраморных плитах.

Не просто складывалась история нынешнего музея-заповедника. Полвека назад он образовался как филиал Ростовского областного музея краеведения. Как известно, музеи в нашей стране непрерывно переживают трудные времена, возможно, редкие исключения составляют только музей столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Что до Танаиса – какой от него прок мог быть идеологии победившего пролетариата? Как и большинство музеев, созданных на месте древних греческих городов-колоний в пределах СССР, он прозябал в нищете и безвестности.

На окраине казачьего поселка Недвиговка появились домик и два штатных сотрудника: директор и сторож. Первым директором новоявленного филиала музея стал С.Н. Братченко. В летний период приезжали археологи, ставили палатки, копали, пели песни, жгли костры, пили вино. С наступлением осени загорелые исследователи сворачивали лагерь, и снова только два человека охраняли «достояние государства» от попыток недвиговцев растащить древние стены на строительство сараев и пристроек. Их не очень-то принимали всерьез. Но, как и к другим «блаженным», всегда относились с некоторой осторожностью.

Сонное существование провинциального филиала было нарушено появлением невысокого энергичного

человека с запоминающейся фамилией – Чеснок. Став третьим по счету директором, он, как и его огородный тезка – в кулинарию, привнес в существование музея остроту и особый смысл.

Летнее скопление увлеченных образованных людей, склонных к романтике и поэзии, всегда привлекает близких по складу, но не приспособленных к серьезной кабинетной работе любителей песен под гитару, для которых сам дух творчества и товарищества может быть важнее строгой науки. Подобное всегда происходит и в альпинистских лагерях. Такие люди по-настоящему живут в «сезон», когда вокруг романтично, весело, царит состояние постоянной влюбленности и свободы. Межсезонье надо как-то пережить.

Вот тут-то и сказались проницательность нового директора, сумевшего увидеть в самодельных поэтах и гитаристах не просто праздное шатающихся «тунеядцев», а самодостаточных талантливых людей. Хорошо известная поговорка:

«Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами» стала для Валерия Федоровича Чеснока руководством к действию. Все возможные ставки, появившиеся в его владениях, он заполнял именно такими «танаитами», фактически спасая их от обвинений в праздной жизни и уклонении от участия в общественно-полезном труде.

Как теперь очевидно, этим В.Ф. Чеснок позволил сформироваться широко известной в России и за ее пределами Заозерной школе поэтов. Самым знаменитым ее представителем стал Геннадий Жуков. Сегодня его стихи переведены

на шесть языков, а поставленная впервые в Ростовском театре юного зрителя рок-опера «Собаки» с триумфом шла на сценах Германии, Франции, Турции, Мексики, Японии. В Танаисе началась творческая жизнь этого яркого поэта, здесь же, в Танаисе, в домике во дворе В.Ф. Чеснока, завершилась его земная жизнь. Похоронен он на недвиговском кладбище.

Один из «отцов-основателей» Заозерной школы Владимир Ершов так описал ее образование:

«Здесь, среди руин античной фактории, на задворках империи, «в глухой провинции у моря», их полшутя, полупрезрительно обозвал Заозерной школой какой-то, ныне забытый, «рабочий поэт» на вечернем построении «донской литературной роты», как когда-то назвал Ростовское отделение союза советских писателей Михаил Шолохов.

Прозвище неожиданно прижилось. Оно начало жить своей, непредсказуемой и таинственной жизнью и стало своеобразным брендом универсального экологического андеграунда Юга России...

ская. Повернувшись спиной к начальству и лицом к скромно сидевшему за столом Валерию Чесноку, она выразила то, что было на уме у многих присутствующих: «Мы говорим – Танаис, подразумеваем – Чеснок, и наоборот!». Ее примеру последовали многие присутствовавшие.

Любая встреча с

Валерием Чесноком для меня, прежде всего, – радость общения с интересным человеком, неутомимым генератором идей и проектов. Так было в мае прошлого года, когда мы встретились в Джейрахском ущелье Ингушетии на археологических Крупновских чтениях, а потом восходили на пик Туриста в горах Северной Осетии. Так было и в этот раз.

А.Л.: Итак, ты пришел в Танаис в 1971 году. Как я слышал, тогда в штате филиала было три человека: директор, сторож и смотритель, так?

В. Чеснок: Нет. Было две постоянных ставки: директор и сторож. Смотрителя и экскурсовода давали на лето.

А.Л.: Какая была у тебя профессия до того, как ты пришел в музей?

В. Чеснок: Я – каменщик. С детства я рос на книга А.П. Чехова. Помнишь, такие зелененькие томики? Оттуда почерпнул, что любимая профессия должна быть любовницей, а женой – другая, более основательная, кормящая.

А.Л.: В итоге ты ушел от жены к любовнице?

В. Чеснок: А как же иначе?

А.Л.: А какую роль сыграл Валерий Чеснок в образовании Заозерной школы, и была ли эта роль?

В. Чеснок: Мою роль часто преувеличивают. Эти парни диссидентами не были. Они просто были не признаны официально. Их не принимали в Союз писателей. Да они и сейчас еще по-настоящему не оценены! Они создавали такое же направление для Танаиса, как и археологическое. Когда мы разрослись, появились ставки, я не мог никого брать на них, кроме таких маргинальных личностей, как Жуков, Ершов. Музей-заповедник создавал защитное пространство от власти. Была некая «недоступность» заповедника для власти, удаленность. Хотя часто это раздражало чиновников. Кроме того, мне самому было интересно. Когда вечерами мы собирались за чаем или за вином, то пытались написать книгу. Это должна была быть необычная книга. Мы недавно ее переиздали. У тебя она есть? (Достает из портфеля книгу.) В ней и текст, и стихи, и рисунки.

А.Л.: Так это все происходило «самопроизвольно»?

В. Чеснок: Нет, до поэтов был отряд «Кентавр». Мы издавали журнал. Это была стартовая площадка, которая завершилась Музеем детства. Попытка увидеть Танаис глазами школьников, студентов, вывести его в широкий социум. Мы проводили экспедиции. Как-то в Лагутнике (одна из протоков дельты Дона) купались и ловили раков.

Вдруг слышу – захлебывающийся голос: «Валерий Федорович! Валерий Федорович!» Я в два взмаха (Лагутник узкий) оказался около него. Гончаров (сейчас он генерал армии) – один нос из воды торчит: «Меня не трогайте, я стою на пушке!» Достали. Оказалось – уключенная пушка. На этом не закончилось. Сорокин (он сейчас полковник в Беларуси) соорудил лафет. Тогда территория была маленькая. За рвом уже недвиговцы кукурузу сажали. Я за неделю предупредил: будем стрелять из пушки по кукурузе! Гвозди нарубили, купили дымный порох...

А.Д.: Да ведь это страшно опасно!

В. Чеснок: Саша, я был предельно осторожен! Так поле кукурузное просто «выметало»!

А.Д.: Вот это история! Чеснок стреляет из пушки по кукурузе! Интересно, а какие сложности были в работе?

В. Чеснок: Основные проблемы были с чиновниками – мешали работать, увольняли три раза. Правда, находились влиятельные люди, заступались. Как-то Юрий Андреевич Жданов просто сказал: оставьте его в покое!

Он в моей жизни важную роль сыграл. Еще на первом курсе мы с другом (фамилия его была Герд) решили поступить в духовную семинарию. Ведь история России – это во многом история религии. Хотели разобраться. Пришли в епархиальное управление, стали выяснять условия поступления. Нас тут же «заложили» – сообщили в ректорат, что двое студентов собираются поступать в семинарию. Нас,

конечно, вызвали, сказали: «Прощайтесь с университетом». Но тут Юрий Андреевич вступился. Будучи ректором университета, он не дал нас отчислить.

А.Л.: А чего было больше в этом акте вашего «поступления»: интереса, или веры?

В. Чеснок: Веры не было, да и сейчас нет. Хотя, может быть, интерес – это форма веры. Я хорошо, с уважением отношусь к религии, но не люблю «поповщину» в том виде, в котором она есть у нас. А ведь церковь могла бы играть большую роль в нашей жизни! Были ведь блестящие примеры настоящих священников!

Знаешь, это как с культурой. Можно трепетно относиться к культуре, но ненавидеть чиновников от культуры. Можно сочувствовать религии, но не любить церковников. Это же очевидно! Для меня совершенно ясно, что все церковные иерархи – атеисты в самом коренном смысле этого слова.

А.Л.: Оставим религию. Как ты оцениваешь сегодняшнее состояние Танаиса? Чего удалось добиться, что не получилось?

В. Чеснок: – Самое главное – это то, что Танаису уже ничто не грозит. Танаис – это уже свершившийся

необратимый процесс!

В последние годы Валерий Федорович увлечен темой составительской культуры, навеянной приближением Сочинской Олимпиады. Этой теме посвящена прекрасная изданная книга – альбом «Ветвь оливы», получен грант на проведение ряда выставок и культурных мероприятий.

Меня, как зоолога, давно озадачили формированием раздела «Составительская культура у животных».

Дело в том, что Валерий Чеснок ненавидит войну и музейные разделы, посвященные оружию. Он называет такие экспозиции «музеями каннибализма». И уверен, что музейщики должны развивать и демонстрировать гуманитарные аспекты истории. А ведь в мире животных очень развито именно состязание, турниры со сведением к минимуму смертельных исходов и кровопролития. Взять хотя бы рога оленей...

Но это уже другая история...

АЛЕКСАНДР ЛИПКОВИЧ

